

песню с широким обобщением событий... В песнях же, созданных солдатской средой, мы видим конкретизацию событий, характеризующихся с точки зрения участника, что делает песню своеобразным безыскусственным рассказом — воспоминанием о сражении» (стр. 44). Что значит такое противопоставление? Разве «солдатская среда» не испытывала в 1812 г. патриотического подъема? И разве песни-рассказы о конкретных событиях не могут выражать патриотический подъем? Из приведенного рассуждения следует неверный вывод, будто песни о конкретных событиях складывались только солдатами, песни же, дававшие обобщенное изображение событий, — широкими народными массами (какими? и разве солдаты не народ?).

Непонятно определение, данное в самом начале статьи: «Историческая песня — это своеобразная историческая беллетристика и поэзия нашего народа» (стр. 5). Определение это ничего не дает; непонятно, что значит «беллетристика и народная поэзия».

Приведенные примеры, а их можно умножить, свидетельствуют, что статья не доработана до конца и что развитие и характер исторических песен не представлены в ней достаточно отчетливо. А это снижает ценность очень нужной книжки и свидетельствует о недостаточной работе над сборником редактора и издательства.

В. Соколова

Таджикский филиал АН СССР. *Труды*, т. XXIX. История, археология, этнография, язык и литература. Сталинабад, 1951.

Известно, что специальных исследований по истории таджиков до революции было крайне мало и сведения о таджикском народе в виде кратких и отрывочных, иногда малодостоверных упоминаний встречаются лишь в отдельных исторических источниках.

Русские ученые написали немало работ по историографии Таджикистана и таджиков, но подлинное изучение истории и культуры таджикского народа началось только после Великой Октябрьской социалистической революции.

Советский государственный строй создал все условия для развития исторической науки, дал возможность советским ученым развернуть всесторонние исследования в области изучения истории всех народов СССР. Результатом деятельности советских ученых явилось накопление нового обширного материала, позволившего впервые широко и научно осветить процесс исторического развития народов Советского Союза, в том числе и таджикского народа.

В области изучения истории, археологии и этнографии таджикского народа в братском содружестве работают советские ученые — русские и таджики. В числе многих работ советских ученых, посвященных истории таджиков, за последние годы наиболее крупными являются книга Б. Гафурова «История таджикского народа» и первый том «Трудов Согдийско-таджикской экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР и Государственного Эрмитажа» под редакцией А. Ю. Якубовского, дающей новые археологические материалы по Таджикистану.

В 1951 г. вышел подготовленный Институтом истории, языка и литературы и представляющий большой научный интерес XXIX том «Трудов» Таджикского филиала АН СССР, ставшего теперь Академией наук Таджикской ССР. Этот том представляет собой сборник статей, характерную особенность которых составляет не только публикация новых материалов по разнообразной тематике, но и подведение как бы итогов разносторонней работы советских ученых в области изучения истории таджикского народа. В «Труды» включены статьи историко-археологические, этнографические и лингвистические. Часть их является исследованиями, часть же представляет собой публикацию новых материалов с соответствующим освещением их.

Книга начинается исследованием члена-корр. АН СССР и действительного члена АН Таджикской ССР А. Ю. Якубовского «Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии» (стр. 3—17). Проследив историю изучения вопроса, автор отмечает, что исследователи этой темы в досоветское время стояли на «идеалистических и формалистических позициях», занимались изучением лишь «исторической топографии», не ставили, да и не могли еще ставить, а тем более разрешить «проблему социально-экономического содержания городской жизни». Только советская археология, указывает автор, «смогла в своих работах подойти к изучению прошлого среднеазиатских городов исторически, причем научно исторически, т. е. марксистски».

Основываясь затем на новых археологических материалах, полученных в результате раскопок древних городов — Термеза, Топрак-кала и Пянджикента, А. Ю. Якубовский вскрывает закономерности развития среднеазиатских городов, дает периодизацию их истории, разделяя города по стадии развития на античные, дофеодалные и феодальные. Анализируя развитие среднеазиатского города от эпохи рабовладельческого общества (III в. н. э.) до XI в. н. э., автор показывает перестройку городов на территории среднеазиатского Междуречья, где в X—XI вв. «если не закончился, то во всяком случае в основных линиях определился процесс сложения и оформления типичного феодального города Средней Азии».

В статье М. М. Дьяконова «Перспективы археологического изучения Таджикистана» (стр. 19—35), кроме краткого, но очень содержательного историографического обзора, подчеркивается развертывание после Великой Октябрьской социалистической революции обширных археологических исследований, начатых в 30-х годах XX в. в Таджикистане. Автор дает развернутую характеристику изученности разных в историческом и археологическом отношениях районов Таджикистана и, исходя из комплексного материала, полученного в результате работ советских археологов и особенно в результате планомерного проведения полевых работ Согдийско-Таджикской экспедиции, намечает в широком плане перспективы археологического изучения Таджикистана и многих исторических проблем, вставших перед исследователями уже в процессе проведения археологических работ.

С. Н. Замятин начинает свою статью «Разведки пещер в Таджикистане осенью 1943 года» (стр. 37—51) с краткой характеристики степени изученности памятников палеолита в Таджикистане. Являясь крупнейшим исследователем эпохи палеолита, автор, кроме научного отчета о результатах разведки 1943 г., останавливается на вопросах методики поисков палеолитических местонахождений, имеющих большое практическое значение в организации дальнейших систематических исследований палеолита Таджикистана.

Вместе с указанными статьями по археологии Таджикистана в «Труды» вошли этнографические статьи Н. А. Кислякова «Этнографическое изучение Таджикистана» (стр. 53—66) и М. С. Андреева «О первоначальном способе добывания огня в Средней Азии и в сопредельных с нею странах» (стр. 75—87), на которых мы остановимся ниже.

В «Трудах» помещена также статья Абдулгани Мирзоева на таджикском языке «Як факти муҳими таъсири маданияти рус дар нимаи дуюми асри XIX ва шартҳои асосии омӯختани мероси адбӣ — илми Аҳмади Дониш» («Новый факт влияния русской культуры на таджикскую во второй половине XIX в. и основные условия изучения литературного и научного наследия Ахмада Дониша» (стр. 67—74). Рассказав о мировоззрении Ахмада Дониша и о литературных и научных трудах его, автор дает развернутую характеристику обнаруженной им в 1949 г. в Ташкенте рукописи Ахмада Дониша «Ар-рисола фи аль-мол-ул кура».

В статье А. А. Семенова «Рецепты оформления старинных восточных рукописей» (стр. 89—98) дается характеристика общественно-политических условий, в которых протекала жизнь и трудовая деятельность художников-каллиграфов и писателей в феодальную эпоху на Востоке, отмечается, что появление капиталистических отношений и развитие товарного производства способствовали росту производства и распространению рукописей и что при этом «лишь придворное искусство «книжного дела» продолжало стоять в стороне от рынка». Автор показывает высокое мастерство артистов-каллиграфов, метод их работы, способы оформления рукописей и материал, который они применяли, работая над художественной отделкой рукописей. В статье приводится перевод анонимного персидского трактата неизвестного автора о рецептах чернил для письма, о составах красок для окрашивания бумаги в разные цвета и способах приведения в жидкое состояние золота и серебра.

А. Н. Болдырев в статье «Вопросы изучения таджикского народного творчества» (стр. 99—108), говоря о значении и роли народного творчества в культурной жизни таджикского народа, дает подробный, критический обзор состояния таджикского фольклорovedения и рассказывает затем широкие возможности и перспективы собирания, исследования, публикации и переработки образцов народного творчества в Таджикистане.

В «Труды» вошли три лингвистические статьи: Б. Н. Ниязмухамедова «Таджикский литературный язык» (стр. 109—120), В. С. Соколовой «Итоги Кулябской диалектологической экспедиции» (стр. 121—125) и Я. И. Калонтарова «Словарная работа в Таджикистане» (стр. 127—136), посвященные вопросам развития грамматического строя, словарного фонда и словарного состава современного таджикского литературного языка, итогам полевой работы по изучению языка таджиков Кулябской области Таджикской ССР и, наконец, обзору работ в области таджикской лексикографии — составлению словарей и перспективам развития словарной работы в республике.

* * *

Как уже отмечалось выше, указанный выпуск «Трудов» вызывает большой научный интерес. Основной задачей книги, как можно судить по содержанию большинства ее статей, являлся показ уровня развития исторической науки о таджиках и Таджикистане на современном этапе. Естественно поэтому было бы ожидать, исходя из задач и направленности книги, что в ней, и особенно в статьях лингвистических, новые конкретные материалы будут рассмотрены в свете гениальных указаний И. В. Сталина. А между тем в книге, подписанной к печати в марте 1951 г., т. е. спустя девять месяцев после появления работы товарища Сталина «Относительно марксизма в языкознании», ни слова не говорится об этом исключительном событии для всей советской науки; не принято также во внимание, что для истории, археологии и этнографии, связанных с лингвистикой по вопросам происхождения

племен и народов, труды И. В. Сталина являются основополагающими и в книге должны были найти свое отражение.

Наряду с этим, нельзя не указать и на некоторые недостатки в этнографических статьях М. С. Андреева и Н. А. Кислякова.

М. С. Андреев в статье «О первоначальном способе добывания огня в Средней Азии и в сопредельных с нею странах» пытается показать древний способ добычи огня высеканием его из камней и ареал распространения этого способа на обширной территории Средней Азии и Казахстана, Ирана и Афганистана, от границ Китайского Туркестана на востоке до Кавказа и верховьев Дона на западе. Несмотря на интерес самой темы, автор и в постановке вопроса, и при сборе этнографического материала, и при решении вопроса стоит на объективистско-формалистических позициях. Сбор материала, на основе которого написана статья, производился формально. Единичные примеры, полученные от отдельных лиц, неопределенные воспоминания случайных осведомителей трактуются как вполне проверенные и научно обоснованные исторические факты. Вместе с тем собранные таким образом примеры рассматриваются вне связи с исторической действительностью, изолированно от процессов исторического развития народов, живущих на территории, указанной автором, без учета данных исторической и археологической науки.

Н. А. Кисляков в статье «Этнографическое изучение Таджикистана» поставил задачей проследить развитие этнографических исследований в Таджикистане с конца 60-х и начала 70-х годов XIX в., т. е. с момента присоединения Средней Азии к России, до настоящего времени.

Предлагаемый автором обзор построен не в виде критического очерка этнографического изучения таджиков, а скорее по принципу аннотированного библиографического указателя, дающего простое перечисление в хронологическом порядке авторов работ, писавших о таджиках и Таджикистане. В этом обзоре нет даже попытки рассмотреть идейное содержание подавляющего большинства работ, приводимых автором, так как характеристика содержания их сводится у него к простому перечню вопросов, в них затрагиваемых, и почти не содержит критического анализа указываемых автором работ в целом. Автор бесстрастно следует за старой, отжившей традицией объективистского описательного подхода к источникам, принятого в дореволюционной историографии.

Отметив в начале обзора неисследованность территории Таджикистана и совпадение начала этнографического изучения его населения с крупными географическими открытиями в 60—70-х годах прошлого века, автор под одну рубрику «исследователей» ставит и «ученых-энциклопедистов» и «царских офицеров» и «чиновников». Комментируя это положение, автор приводит имена известного русского географа — ученого А. П. Федченко и царского офицера — генерала Абрамова. Автор указывает в порядке констатации, что первый предпринял трудное и рискованное путешествие в 1871 г. в долину Алая, а второй прошел с военным отрядом в 1870 г. вверх по долине Зеравшана, и не вскрывает того, что целью первого было путешествие с научной целью, а второго — военный поход, продиктованный империалистическими, колониальными интересами царского правительства.

Автор отмечает затем, что в конце XIX и начале XX в. появились «обстоятельные описания горных областей» и несколько «крупных монографических работ». Указывая на то, что некоторые из них были «проникнуты колониаторским или великодержавно-шовинистическим духом», автор не дает ни анализа содержания, ни названия этих работ. Н. А. Кисляков по существу критически рассматривает только двух авторов: А. Шишова и Д. Н. Логофета. Правильно считая, что книга А. Шишова «Таджики» является компилятивной, некритичной и содержащей «элементы колониаторского подхода к описываемому народу», и отметив при этом, что работа как «первая попытка свести весь накопленный ранее материал по истории, этнографии и экономике таджиков не может быть признана удачной», автор должен был бы сказать, что до появления этой, хотя и не совсем удачной книги сводок подобного рода вообще не делалось и данная книга при всех ее недостатках в свое время сыграла положительную роль.

Что же касается многочисленных работ Д. Н. Логофета, которые автор характеризует как публицистические, то, отмечая необходимость осторожного подхода к ним, автор не раскрывает того, что Логофет как раз и являлся наиболее ярким выразителем воинствующего империализма, что это не могло не найти своего отражения в его сочинениях и что именно поэтому его работы требовали критического отношения к ним.

В принятом порядке обзора этнографического изучения Таджикистана в досоветское время автор не отменяет того, что на разных этапах цели и методы изучения были различны. В обзоре не показано, что после завоевания Средней Азии исследования производились там в интересах царизма и были подчинены либо целям географического изучения, либо целям военно-стратегическим, а не задачам историко-этнографического изучения населения края. В работах такого характера данные этнографические почти всегда выступали не как основные, а лишь как попутно собранные, часто случайные, а иногда и искаженные.

С появлением работ, посвященных уже непосредственно истории и этнографии таджикского народа, началось большое накопление этнографического материала. Од-

нако собрание этого материала производилось часто без определенной системы, собираемые факты фиксировались в порядке голого описания, в порядке, наконец, рассмотрения ареала распространения того или иного явления без учета его роли и места в процессе исторического развития таджикского народа.

В ряде работ М. С. Андреева, А. А. Семенова и других исследователей, занимавшихся изучением истории и культуры таджикского народа в конце XIX и в первые десятилетия XX в., наблюдались идеализация патриархального быта, стремление отыскать наиболее примитивные формы из области материальной культуры, искусства, религии и т. д. Не указывает автор рассматриваемой статьи и на то, что работы ученых досоветского периода и даже первых послереволюционных лет, давая довольно большой фактический материал, в подавляющем большинстве не затрагивали вопросов классового расслоения и классовой борьбы и освещали культуру и быт таджиков «вообще».

Перейдя к рассмотрению развития этнографического изучения Таджикистана в советское время, автор односторонне характеризует общественно-политическую обстановку в Средней Азии в период революции. Сказав о «яростном сопротивлении контрреволюции», автор ничего не говорит об активном вмешательстве иностранных, в частности английских интервентов, финансировавших, вооружавших и организовавших внутреннюю контрреволюцию и басмачество в Средней Азии. Без указания этого момента данная автором оценка положения в Средней Азии не полна и не точна. Кроме того, автор должен был сказать и о том, что упомянутое им «водворение спокойствия» в Средней Азии осуществилось только в результате разгрома внутренней и внешней контрреволюции и победы советской власти, которая и создала условия для широкого развертывания исследовательской работы на территории Таджикистана.

Развитие этнографического изучения Таджикистана после Великой Октябрьской социалистической революции автор статьи правильно подразделяет на период до 30-х годов, когда в исследованиях и публикациях отражались только вопросы материальной и духовной культуры, и на период с 30-х годов до настоящего времени, когда четко определились задачи советской этнографической науки. Однако, правильно пытаясь подразделить историю изучения таджиков на два периода, автор не сумел отчетливо показать основные особенности этих этапов. Так, у автора, например, нет единого цельного изложения задач советской этнографической науки; определение этих задач автор дает в разных местах обзора советского периода (на стр. 57—58, 61—62, 65) в отрыве друг от друга, без достаточной четкости формулировок. Стремясь, например, на стр. 57 показать различие подхода к предмету исследования у досоветских и советских ученых, автор дает определение, из которого следует, что в центре изучения советских этнографов должен стоять не коллектив советских людей с их культурой и бытом, а какой-то абстрактный, безличный «человеческий коллектив, находящийся на той или иной ступени общественного развития, коллектив, состоящий из отдельных людей, имеющих свои нужды, стремления, идеалы».

Перейдя затем к определению задач, стоящих перед таджикской этнографией в советскую эпоху (стр. 58), и, очевидно, поддерживая выдвинутое в 1925 г. положение о двух основных задачах в этой области, а именно: «сбор материалов для характеристики отдельных этнографических районов», и «более глубокое изучение и выявление ареалов распространения отдельных существенных элементов материальной и духовной культуры»,— автор ничего не говорит о том, что по существу такая постановка вопроса была свойственна и досоветской этнографии. Эти же задачи и тоже без указания целей исследования автор выдвигает на первый план и при постановке задач советской этнографической науки в Таджикистане в 1951 г. (стр. 65). Лишь на третье после них место он ставит задачи детального изучения различных сторон социалистического быта, форм и путей борьбы со старыми, отживающими вредными феодально-байскими пережитками, изучения характерных для таджиков особенностей культуры, вопросов этногенеза и становления таджикской нации и т. д.

Нельзя не отметить и того, что обзор развития этнографических исследований в Таджикистане в советское время и работ советских ученых автор опять-таки дает в порядке хронологического перечисления, без научной характеристики и оценки их. А между тем в 30-х годах, и особенно начиная с середины их, определилась принципиально новая постановка вопросов и в полевых исследованиях и в публикуемых работах. И если бы автор взял на себя труд внимательно проанализировать характер и содержание этих работ, он сумел бы показать, как и в каких работах советских этнографов преодолевались старые традиции, и не пропустил бы в своем обзоре, правда небольшие, но важные для понимания состояния этнографических исследований работы¹ А. Н. Кондаурова «Переселенческий колхоз в Таджикистане»,

¹ А. Н. Кондауров, Переселенческий колхоз в Таджикистане, Собрн. «Труд и быт в колхозах», т. II, Колхозы советского Востока, Л., 1931; С. М. Абрамзон, Общий ход работ, «Таджикская Комплексная экспедиция 1932», Л., 1933; его же, К вопросу об изучении населения Таджикской ССР, Проблемы Таджикистана, «Труды первой конференции по изучению производительных сил Таджикской ССР», т. II, Л., 1934.

С. М. Абрамзона «Общий ход работ» и «К вопросу об изучении населения Таджикской ССР», которые впервые на конкретном материале освещают вопросы социалистической реконструкции таджикского кишлака, классовые сдвиги, раскрепощение женщины-таджички, роль родовых и феодальных исрежитков в социалистическом строительстве, вопросы колхозного строительства и т. п. Автор мог бы более развернуто характеризовать новую по тематике и важную для развития исторической науки о таджиках работу безвременно погибшего вдумчивого советского исследователя А. Н. Кондаурова «Патриархальная домашняя община и общинные дома таджиков», написанную ее автором на основе собственных оригинальных полевых материалов, собранных им в тяжелых условиях высокогорного Таджикистана. Как в указанных работах, так и в работах самого Н. А. Кислякова, приведенных им в обзоре, отражен новый взгляд исследователей и на вопросы социальных отношений и явлений материальной культуры, хозяйственного быта, жилища и т. п. В работах этих и других советских исследователей, как это отмечалось и в литературе, в той или иной степени уже отражалась «линия последовательного историзма, линия историко-материалистического объяснения явлений в их движении, развитии, борьбе и качественном преобразовании»².

И, наконец, ознакомление со статьей Н. А. Кислякова выявляет некоторое несоответствие между ее названием и содержанием. В статье отражено этнографическое изучение таджиков не только Таджикистана, как говорится в заглавии, но и других районов Средней Азии. Вместе с тем в статье, кроме упоминания о не-таджиках — локайцах, ничего не сказано о других национальных группах — узбеках, киргизах и других, проживающих на территории Таджикистана. Поэтому статью правильнее было бы назвать «Этнографическое изучение таджиков», а не «Таджикистана».

К. Задыхина

Бурят-монгольские сказки. Составитель А. И. Шадаев, под общей редакцией Н. Балдано и М. Имехенова. Бурмонгиз. Улан-Удэ, 1950.

Сказки, изданные в рецензируемом сборнике, записаны писателем А. И. Шадаевым от колхозников и известных сказителей. Записи текстов производились в районах Бурят-Монгольской АССР: Джидинском, Еравнинском, Закаменском, Иволгинском, Окинском, Селенгинском, Тункинском, а также в Боханском, Нукутском и Осинском районах Усть-Ордынского Бурят-Монгольского Национального округа. Тексты сборника даны в литературной обработке, но в них сохранен национальный бурят-монгольский колорит, живой этнографический материал.

Устное народное творчество бурят-монгольского народа не только не изучено, но, по существу, еще не собрано. Публикаций пока еще было очень мало, да и те, какие сделаны, не представляют собой всего разнообразия произведений устного народного творчества бурят-монголов. Поэтому появление настоящего сборника привлекает к себе особое внимание.

Рецензируемый сборник включает 32 сказки, собранные самим составителем в 1935—1948 гг., кроме одной, записанной поэтом И. Мадасоном в 1935 г. в Тункинском аймаке («Угытэй угэнэй хубуун» — «Сын бедного старика»). А. И. Шадаев в своем сборнике представил образцы бытующих в настоящее время у бурят-монголов сказок. Больше половины сборника (26 сказок) составляют сатирические бытовые, юмористические и волшебные сказки. Среди них встречаются известные сюжеты: волшебной стрелы, пронзающей врага, волшебного кольца, невинно оклеветанной жены, поиски возлюбленной, в которых герою помогают благодарные животные, победа остроумного бедняка над глупым богачом.

Действующие лица волшебных, сатирических бытовых сказок — злые, коварные ханы, ламы, шаманы и шаманки, побеждаемые хитростью, мудростью и силой героя, добрые пастухи, хитроумный бедняк, чудесная птица Гаруда, львы, помогающие герою уничтожить противников — злых и жестоких богачей.

В сказках, вошедших в данный сборник, мы видим характерные для бурят-монгольских сказок своеобразный стиль, традиционную форму в описаниях храбрости и мудрости героя, некоторую склонность к гиперболизму.

Сатирические бытовые сказки и анекдоты настоящего сборника дают прекрасные образцы народного юмора. Сатирическое острие этих сказок направлено против коварных и жестоких лам («Ухаатай моришон» — «Остроумный кучер», «Алтан ундэгэн» — «Золотое яйцо», «Наран Сэсэг» — «Солнечный цветок»); высмеивается глупая спесь ханов и нойонов («Хурса хубуун» — «Остроумный мальчик» «нуул хубуун» — «Мальчик Хуул», «Барлаг» — «Раб»); обличается бессмысленная жестокость

² С. П. Толстов, Советская школа в этнографии, «Советская этнография», 1947, № 4, стр. 14.